

Анна Мар

ЖЕНЩИНА НА КРЕСТЕ

Повести о любви

Анна Мар

Женщина на кресте (сборник)

«Седьмая книга»

Мар А. Я.

Женщина на кресте (сборник) / А. Я. Мар — «Седьмая книга»,

Российская пресса писала в 1916 году: «В русской литературе есть только две большие надежды и обе они Анны – Ахматова в поэзии и Мар в прозе». Увы, через год с небольшим, весной смутного и грозного 1918 года Анна Мар ушла из жизни в возрасте 31 года, выпив стакан с цианистым калием. Между тем, тираж романа Анны Мар «Женщина на кресте», изданный полностью без купюр в том же 1918 году, был раскуплен всего за неделю. Издатель лихорадочно спешил с новым тиражом, а на съемочной площадке уже шли кинопробы фильма «Оскорбленная Венера», снимаемого по книге Мар. Без сомнения, сыграли и свою роль сцены мазохистской любви, имевшиеся в романе, вокруг которых разгорелся скандал, однако поразительная красота и изысканность, как формы, так и содержания прозы Анны Мар легко отметали все обвинения в порочности и бездуховности автора. Чувственная история любви 26-летней Алины к помещику Генриху Шемиоту рассказана с удивительной нежностью и искренностью, и давно уже принадлежит к классике Серебряного века русской литературы.

© Мар А. Я.

© Седьмая книга

Содержание

Женщина на кресте	6
Первая глава	6
Вторая глава	13
Третья глава	19
Четвертая глава	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Мар

Женщина на кресте (сборник)

Женщина на кресте

Первая глава

Генрих Шемиот написал коротенькое письмо управляющему в имение. Он извещал, что приедет через неделю с сыном и Кларой. Особых приготовлений не нужно, лишь бы дом был опрятен.

Шемиот открыл блокнот и увидел крупные слова синим карандашом – Алина Рушиц. Эту надпись он сделал вчера, упорно думая о девушке, с которой познакомился в доме инженера Оскерко.

Мысли его вернулись к ней. Сколько лет Алине? Не менее двадцати шести, двадцати семи. У нее обольстительная фигура, длинные пепельные волосы, нежные красноречивые руки. Ее большие глаза можно сравнить и с лиловыми выюнками, и с пармскими фиалками, и с маленькими озерами. Но, по всей вероятности, у нее самая красивая часть тела та, которую обнажают для наказания розгами.

Опытна ли она в любви? А если опытна, то насколько? И кто ее учитель? Почему она не выходит замуж? О ней ничего не говорят в городе.

Шемиот позвонил, машинально отдал письмо лакею и продолжал думать. Конечно, он ни и чем не уверен... ему пятьдесят два года... однако, когда он приближается к Алине, она опускает глаза, то бледнеет, то краснеет, смеется и отвечает невпопад. Есть нечто в Алине, чего он не знает, но предчувствует и хочет проверить. Тем хуже для Алины. Последнее время он пришел к выводу, что, возникая на пути женщины, он становится ее «печальным событием». В этом он, Шемиот, не повинен. Жестокость внушает ему отвращение, вид крови заставляет бледнеть. Но вот он встречает женщину типа Алины или Клары. Мгновенно в нем зарождается беспокойная и странная жажда ее слез, тоски, стыда, боли. Он унижает ее всячески и не испытывает никакого раскаяния.

Он попробовал углубиться в английскую экономическую статью. Ему не удалось. Бросая книгу, он решил пойти к Алине. Завтра? Нет, сегодня... сейчас. Рассеянно он взглянул на фотографию своей покойной жены. В белом муслиновом платье, с цветами на груди, она улыбалась невинно, как святая. Он рассматривал ее с минуту равнодушно. Долгое время он культивировал в себе печаль о ней. В конце концов, она утомила и наполнила его враждебностью к мертвой.

Потом он перевел глаза на миниатюрный портрет сына.

«Юлий заносчив и тщеславен, но он добр».

В дверь постучались.

Клара принесла письма, счета, деньги. Просмотрев их, Шемиот нахмурился.

– Вы не экономны.

Очень бледная, она села.

– Я совершенно больна.

– Почему же вы не лечитесь?

– Это не поможет. Я умру. И вы будете счастливы.

– Хорошо, Клара. А теперь я ухожу.

– К Алине Рушиц?

Он изумленно поглядел на Клару. Интуиция женщин всегда поражала его. Неужели Клара знает то, в чем он боится признаться самому себе?

– Да... я иду к Алине Рушиц.

– Вы заинтересованы ею?

- Возможно.
- Настолько, чтобы даже жениться?
- Это вас не касается.
- Должна я уехать из вашего дома?
- Как хотите. Только не вздумайте тогда рассказывать, что я вас выгнал.

Дом Алины Рущиц был двухэтажный, серого цвета, с колоннами и железной решеткой. Решетку оплел дикий виноград, а по стеклу круглой веранды струился поток цветущих бегоний. Сад квадратной формы занимал значительную площадь. Правая сторона ушла под абрикосы, сливы, вишни, яблони; на левой росли акации, кусты шиповника, сирени, жасмина и бесчисленное количество роз. Аллея из молодых, подрезанных туй одним концом упиралась в дом, а другим – в группу старых каштанов. Там стояла каменная скамья и каменный круглый стол. Немного дальше шла стена соседнего сада, в щелях которой вили гнезда воробьи и летучие мыши. Края ее посыпали толченым стеклом и утыкали гвоздями острием вверх.

Алина не спеша гуляла по саду. Она исколола руки, срезая розы, и слегка запачкала землю белое платье. Иногда ее сердце сжималось.

Она думала:

«...Я влюбилась... неожиданно, и без памяти... и навсегда... почему?... я не знаю... Ко мне подводят мужчину, мне говорят, что его зовут Генрих Шемиот, я подаю ему руку, я чувствую, как по всему моему телу бежит трепет и... я погибла. Я больше не принадлежу себе самой. Мгновенно он отнимает у меня последнюю каплю ума, гордости, воли и целомудрия. Люблю, люблю, тысячу раз люблю... назло всему миру люблю. Мои нервы расходились. Сегодня я видела странный сон. Я – монахиня, и я на коленях перед настоятельницей... (Такой настоятельницы я не встречала в жизни, и в монастыре я тоже никогда не была...) Эта женщина прекрасна и горда. Она велит бичевать меня перед всеми сестрами. Я прошу прощения, я целую ее руки – она непреклонна. Тысяча глаз смотрит на меня, тысяча ртов насмешливо улыбается. Рыдающую, меня раскладывают и секут. Душа и тело мое содрогаются, я просыпаюсь в холодном поту и вспоминаю, что подобную историю мне рассказывал Шемиот... Это была средневековая монахиня. Когда ее наказывали, она кричала пламенные слова, как влюбленная... А я завидую ей... я так нуждаюсь в наказании... я чувствую себя здоровой, сытой, грубой».

Она ходила взад и вперед по аллее, находя новые белые вьюнки, неожиданно распутившиеся среди подрезанных туй. Ее терзали сомнения. Нравится ли она ему? Что он думает о ней? Сознаться ему в любви или затаить чувство? Почему некоторые слова – наказание, розги, вина – так страшно произнести вслух?... Они обжигают губы. Они волнуют, как действия. В книгах любовь или груба или преувеличенно возвышенна. Ей она кажется приятной, как холодное шампанское. Главная ее суть, конечно, не в поцелуях, а в том, что мужчина может позволить себе тогда всякую жестокость с женщиной, и женщина радостно примет боль, унижение и рабство.

С востока плыла туча, похожая на кленовый лист. Но распахнутые окна второго этажа еще сияли под солнцем. Японские вазы с чудовищными букетами лилий красовались на подоконниках. Неожиданно среди них, в темном квадрате, она увидела Генриха Шемиота. Он стоял без шляпы и улыбался.

– Вы... вы... Боже мой, – закричала Алина в детском восторге.

Его пышные, рыжевато-золотистые волосы вились около ушей, открывая сияющий, прекрасный лоб. Крупные черты бритого лица – нос, губы, подбородок – были резко чувственны, а продолговатые черные глаза полны иронии. Однако тонкая прелесть улыбки и певучесть голоса смягчали и чувственность, и иронию, и некоторую общую жестокость. Несмотря на высокий рост и широкие плечи, его руки и ноги были изящны.

– Меня обманула ваша служанка, – крикнул он, высовываясь, – она сказала, что вы у себя в кабинете.

– Войцехова все перепутает.

Алина живо поднялась к нему.

– Как я вам рада... вы вовремя... сейчас будет гроза...

– Я тоже рад вас видеть.

После сада в кабинете стиля ампира казалось прохладно и сумрачно.

Мебель красного дерева с тускло-сверкающей бронзой была обита зеленым штофом чуть светлее обоев, портьер, ковра. На круглых мраморных досках, которые несли грифоны, лежали тяжелые альбомы, переплетенные и в кожу, и в серебро. Одну из стен занимали полки с книгами, задернутые легкими шелковыми занавесками, тоже зелеными, усыпанными золотыми лавровыми веночками. Овальное зеркало над камином отражало люстру, лепной потолок, часть двери, ведущей в спальню Алины. Здесь висел большой портрет императора Наполеона I в коронационном костюме. Орел украшал массивную раму, держа в когтях дощечку с надписью: «Бессмертен на небе и на земле». Можно было также найти герцога Рейхштадтского, Жозефину, Полину Боргезе, князя Понятовского, Валевскую среди бесчисленных драгоценных акварелей и миниатюр.

Узкие серебряные бокалы стояли наполненные розами, а плоские хрустальные вазы – фиалками, любимыми цветами Первой Империи.

Шемиот с удовольствием оглядел знакомые предметы и уселся.

– Я пришел каяться перед вами, Алина...

– Вы?

– Да, я. Я навел справки о вас. Не сердитесь. Я чересчур поглощен вами.

– И что же вы узнали?

– Ничего.

– Ага... вы наказаны. Они посмеялись.

Потом она рассказала ему о своем детстве и юности, рассказала спокойно и просто.

– Моя мать, урожденная графиня Гед. Почему она не вышла замуж – я не знаю. Однажды она поехала в Рим и вернулась оттуда уже со мною. Говорят, мой отец – итальянский папир. С тех пор она жила безвыездно в своем родовом имении. Она была высока, худа, смугла. Презирала людей и ненавидела животных. Я не помню, чтобы она взяла меня на колени или дала мне конфетку. Если неожиданно она замечала меня, ее взгляд становился тусклым. «Вы здесь, Алина? – спрашивала она. – Кто пустил вас ко мне?». Она учила меня читать по большой книге без картинок. В окно я видела парк. Вода чернела в круглом бассейне. Над ним часто летали голуби и садились на каменную балюстраду. Осенью листья лежали там горами, как снег, и это рождало грусть.

– Ну, Бог с нею, Алина... лучше рассказывайте дальше.

Она засмеялась его нетерпению, восхищенная и польщенная.

Тучи затянули небо. Молния вспыхивала ежеминутно, а удары грома следовали после больших пауз. Старая Войцехова закрывала торопливо окна. Почти сейчас же потоки дождя обрушились на сад и дом. Поднялся бешеный ветер.

Шемиот, глядя на Алину, улыбался. То, что он угадывал в ней, становилось для него все более и более ясным.

Она продолжала.

В доме ее матери было восемнадцать комнат, и все красиво убрано. Бронза, фарфор, драгоценные ковры и картины, старинные кружева и бриллианты, редчайшая библиотека и сувениры царственных лиц – все это перешло от целого ряда предков. В 1807 году маршал Дюрок со своим штабом останавливался здесь.

Лучшее воспоминание Алины – библиотека. Ежедневно она пробиралась туда и читала все без затруднения, ибо ни один шкаф не запирался. Когда Алине исполнилось десять лет, мать написала кому-то в Англию. Мисс Уиттон приехала немедленно. Она не побоялась суровой зимы и тишины имения. Это была стройная, золотоволосая женщина, красивая и веселая. Она носила исключительно белые платья, белую обувь, белые кораллы на шее и душилась гелиотропом. Мисс Уиттон выбрала самую отдаленную комнату на верхнем этаже. Обои там были светлые, с золотой полоской, мебель и ковер цвета сливок. На мраморном камине она поставила желтые ассирийские вазы, подарок матери Алины. Мисс Уиттон звала сюда свою воспитанницу, если бывала нездорова. Это случилось также тогда.

Алина опустила глаза, смешавшись.

Шемиот спросил ее ласково:

– Она наказывала вас, вероятно?...

Лицо Алины запылало. Она кивнула головой, кусая губы.

– Как?...

– О... не мучьте меня... Почему вы спрашиваете?

– Это касается вас...

Алина перевела дух и овладела собой.

– Я не знала, как приятно говорить об этом с Шемиотом, – думала она.

– Она обворожительно краснеет. Я волнуюсь. Я буду жесток с нею впоследствии – думал он.

Вслух Алина говорила:

– Не вините мисс Уиттон. Я была несносным ребенком, упрямым, живым, дерзким. Я уносила и прятала то деньги, то браслет моей матери, их искал весь дом, а я воображала себя сыщиком и находила «пропавшие вещи». Я всегда скучала и жаждала приключений. Поэтому я писала любовные письма нашему управляющему (Не понимаю, откуда только бралось такое множество страстных слов). Вызвала его на свидание, потом пожаловалась мисс Уиттон, и беднягу выгнали. Можно смело сказать, что влечение к греху было во мне огромно. Однажды я обрезала себе волосы и клялась, что это сделала мне Виктория-Юзефа, маленькая грустная девочка с белокурыми локонами, гостившая у нас летом. В наказание Викторию-Юзефу засадили учить английский урок, а я гуляла в парке... посмеиваясь... Сознание вины удручало меня до отчаяния.

Я любила слушать выговоры, и когда мисс Уиттон секла меня, я просила прощения с увлечением.

Алина вздохнула, смущенная пристальным и несколько тяжелым взглядом Шемиота.

Ее голос был полон грусти, когда она рассказала о своем первом причастии, об уроках катехизиса у доброго, старого ксендза-каноника. К нему она ездила вместе с мисс Уиттон по дороге, обсаженной тополями, на высоком доггарте. Иногда лошадь несла, влажные комья летели во все стороны, Алина вскрикивала, а мисс Уиттон громко смеялась. Лицо англичанки становилось розовым, смелым, счастливым, Она жадно пила воздух.

Потом внезапно умерла мисс Уиттон. Ее похоронили в имении за оградой, как раз в начале той дороги, по которой они скакали на уроки катехизиса. Алина и Виктория-Юзефа горько плакали. Мать Алины смотрела из окна кареты на печальную процессию. Глубокую яму сейчас же залила мутная вода. Был холодный, дождливый октябрьский день.

Через год умерла нежная, грустная Виктория-Юзефа. А еще через два года умерла мать Алины, вышивая лилии на голубом шелку.

Старичок-каноник и какой-то важный хмурый господин долго говорили с Алиной. Ей уже исполнилось шестнадцать лет, и она почти взрослая. Она узнала, что она – внебрачный ребенок и должна сейчас же уехать из имения, которое переходило к наследникам. Алина была уничтожена, ошеломлена, унижена.

В последний вечер она долго прощалась с парком. Каждому кусту, каждой аллее, обнаженным статуям, воздушным беседкам, темной воде, в которой отражались облака, она кричала в отчаянии «прощай». И они отвечали тяжелыми вздохами, легким журчанием воды, слабым треском ветвей «прощай».

Алина уехала на юг, обеспеченная крупным состоянием, увозя то, что ей разрешили увезти: часть библиотеки, часть мебели, бриллианты, не родовые, а благоприобретенные, некоторые сундуки с бельем, туалетами. Она плакала до того безутешно, что ксендз-каноник напомнил ей о грехе отчаяния. Он жалел свою лучшую ученицу, всегда кроткую, послушную, очень набожную и без тени самомнения. Долгое время она посылала ему сентиментальные письма, вкладывая туда то лепестки роз, то веточку кипариса. На юге ее ждало утешение – здесь она познакомилась и подружилась с Христиной Оскерко. Ей казалось, что Христина заменит Викторию-Юзефу. Она более не ощущала одиночества. И она совсем забыла прошлое, когда по ее настоянию брат Христины инженер Витольд Оскерко купил ей этот дом с садом, и она очутилась в нем, свободная и независимая.

Минуту Алина слушала дождь.

Потом спросила робко Шемиота:

– А вы ничего не расскажете мне о себе?

– Ничего, ибо моя жизнь проста, дорогая. Вы хотите подробностей? Их почти нет. Я долго учился, упорно создавал себе положение, овдовел... Теперь я одинок. Когда я начинаю скучать, я уезжаю в имение и зарываюсь в книги. Вот и все.

Мало-помалу буря стихла. Тучи поспешно уплывали к горизонту. Солнце сверкало в лужах и брызгах. Алина раскрыла окно. Шорох капель стоял в саду. Оттуда тянуло ароматной свежестью.

Шемиот откланялся, говоря:

– Я жду вас к себе, Алина. В любой день...

До самого вечера Алина была взволнована. Потом она почувствовала непреодолимое желание лечь и мечтать.

Она удалилась в спальню – большую комнату, оклеенную голубыми гладкими обоями, с мебелью красного дерева стиля ампир, обитой бледно-голубым штофом.

Перед туалетом Алина снимала кольца, серьги и клала их в золотую чашечку.

Туалет был ее гордостью. Массивная зеркальная доска, положенная на дуги красного дерева, украшенная бронзовыми маленькими сиренами. Круглое зеркало в оправе из бронзовых нэнюфаров укреплено между двумя тонкими колоннами и может изменять положение. Но самое обворожительное – это Лорелеи на колоннах, поющие таинственные песни и смотрящиеся в зеркальную доску как в озеро. Алина распустила свои волосы, белокурые с серебристым оттенком, долго причесывала их, заплетала, душила. Раздевшись, она отправилась в ванную. Однако вода, опаловая от соснового экстракта, не укрепила и не освежила Алину.

Когда Войцехова явилась пожелать барышне покойной ночи, она застала барышню рыдающей. Войцехова давно служила у Алины. Она могла позволить себе и неблагоприятную выходку. Увидев слезы Алины, она зло усмехнулась.

Ее лицо, белое от подкожного жира, с мертвыми, выцветшими глазами и лживым, извилистым ртом ханжи, слегка оживилось.

– Люди говорят, что...

Это был целый обвинительный акт против Шемиота.

Алина рассердилась и прикрикнула на Войцехову. Та ушла, разобиженная. Упаси Боже, если она скажет еще одно слово... Барышня летит, как бабочка на огонь.

Теперь Алина очутилась в широкой, красного дерева кровати, с бронзовыми медальонами, с шелковыми занавесками лунного цвета. От одеяла, простынь, подушек шел нежный,

стойкий запах амбры и розы. Где-то вверху была спрятана голубая электрическая лампочка, и когда Алина зажигала ее, вся кровать изнутри светилась, подобно гигантскому фонарю.

Алина тяжело вздохнула. Сердце ее сжималось, как утром, и ей было жарко. Что такое говорит Войцехова? Шемиот зол, скуп, деспотичен, он вогнал в чахотку свою первую жену, а Клару обобрал до нитки... Кроме того, у него были еще другие любовницы... Ах, какое ей дело до прошлого Шемиота? Прошлое не принадлежит никому... Его сына она толком не приметила. Когда она была там последний раз, Юлий уничтожил при ней коробку шоколада... в двенадцать часов дня... Вот что значит мужское воспитание... Клара делает вид, что не замечает Алины. Бедная Клара! Седые волосы, плоская грудь, чересчур широкие бедра и эти печальные, печальные, как у животного, глаза... Бедная Клара!.. Она, вероятно, много плакала на своем веку. Но теперь она не должна плакать, ибо это бесполезно. Виноват ли перед Кларой Шемиот? Относительно.

Голова Алины туманилась... Она меняла позы, почти задыхаясь. Что еще говорит Войцехова? Якобы Шемиот стар и безобразен. Сущая ересь. Генрих (как сладко называть его по имени), может стать идеалом каждой женщины. Когда он смотрит так внимательно и нежно... Не введи нас во искушение!.. (Алина натянула одеяло, защищая грудь от воображаемых поцелуев Шемиота... Иисус-Мария, до этого у них дойдет еще нескоро.)

Алина легла ничком. Соблазнительные картины мучили ее наяву, и она уже не боролась с ними.

Огромный фантастический сад, всеми забытый, подобно Параду Золя, где можно встретить пенящийся ручей, гигантские цветы, каменные ступени, поросшие травой и мхом. Солнце, ленивая тишина, густые ароматы. Зрелые плоды изредка падают на землю. Вьются черные и синие махаоны, звенят стеклянные стрекозы. Алина гуляет здесь вместе с Шемиотом. Конечно, она бросится сейчас перед ним на колени и скажет ему нечто безумное... Ах, как девственность тяготит ее. «Распустите мои полосы, Генрих, нагнитесь и возьмите мой поцелуй, глубокий и медленный... ни и чем, ни в чем я не откажу вам... нежное любопытство ваших глаз, уст, рук будет насыщено... Сжальтесь надо мною, Генрих, сжальтесь надо мною, ибо я люблю вас!» Генрих ломает ветки, но голос его вовсе не строг, а певуч и томен. Потом он бросает Алину на траву, мнет кружево ее юбок, и среди вздохов травы, деревьев, при знойном солнце, при мелодии птиц и стрекоз, сечет ее жестоко...

Алина сбросила одеяло, зажгла электричество, отдернула занавески кровати, отыскала ночном столике флакон одеколона и освежила себе виски.

Она успокоилась и размышляла с горечью и раскаянием – Шемиот считает ее невинной и чистой, а она, подобно Феннимор Иенсена, – «мешок, полный гнили». Если она когда-нибудь заслужит любовь Шемиота, ей придется измениться. Он должен будет исправить ее, как бы сотворить заново...

– С тех пор, как я влюбилась, я окончательно погибла. Я – распутна и груба. Я совершенно забросила свои религиозные обязанности. Ксендз Казинас, вероятно, удивляется, с какой аккуратностью я пропускаю воскресные мессы... Я даже не знаю, смогу ли я сделать испытание совести так же быстро, как раньше.

И ее мысли направились на монастырь. Вот куда, по-настоящему, она должна была бы уйти и каяться. Она мечтала о нем, ужасаясь, трепеща и вместе с тем наслаждаясь своим страхом.

Монашеский подвиг удручал ее душу. Он был так же печален, как и труден. Женщина оторвана от жизни, обречена на бездетность и аскетизм, брошена на отвлеченность, где ей часто пусто и холодно и не на что опереться. В конце концов, не всех влечет Сиенская и не всем понятен язык Терезы. В монастыре женщина не принадлежит себе. Это еще полбеды, но она не принадлежит никому в отдельности – это уже несчастье.

Алина вернулась к своему сну и рассказу Шемиота.

Неужели же в монастыре наказывают? Тайно ей хотелось, чтобы это было именно так.

Какой восторг броситься на колени перед суровой аббатисой и повторить ей слова несчастной Лавальер: «О мать моя, я отдаю вам свою свободу, ибо я ею дурно пользовалась».

И уже засыпая, она представляла себе, как она была бы кротка, послушна, усердна и как бы ее секли перед настоятельницей раз в неделю.

Вторая глава

Это был четверг, приемный день инженера Оскерко. Как всегда, Христина сидела в дубовой столовой стиля Ренессанс, где время от времени выкрикивали два зеленых попугайчика, и, не торопясь, разливала чай гостям.

В раскрытое венецианское окно виднелась чудесная панорама города с его садами, башенками, куполами, двумя готическими шпилями костела, круглыми площадями, центральными шлеями, вплоть до полосы моря на горизонте.

Сейчас небо, крыши, стены, стекла, дымка над городом были пронизаны теплым, розовым светом вечернего солнца. Иные группы деревьев казались черными, другие – темно-лиловыми, третьи – серебристыми, почти белыми, и, наконец, вдалеке они были определенно пурпурного цвета. Христина налила последнюю чашечку чая, поставила ее на поднос горничной и устало откинулась в кресле.

Глаза у нее были темно-карие, лицо очень бледно, волосы совершенно коричневые, плотные, как парик, губы яркие и тонкие, а вся фигура гибкая, высокая и сухая. На левую щеку она приклеивала мушку. Ее платье было кофейного цвета с низко вырезанным, бледно-голубым муаровым жилетом. Она засунула между двумя его пуговицами золотой лорнет на длинной цепочке, которым никогда не пользовалась. Несколько раз Христина спрашивала горничную:

– Вы звонили по телефону барышне Рушиц?

И при ответе. «Барышни нет дома», – она ежилась.

Среди общего гула (собралось человек тридцать гостей) попугайчики надрывали свои горлышки. Дамы поели торты и сласти, расхваливая позднюю весну, которая всех задержала в городе. Мужчины столпились вокруг «неподражаемой» Мисси Потоцкой. Ее чудовищное белое эспри, круглое и дрожащее, напоминало дароносицу, а синее платье с золотыми пачками и зеленым поясом баядерки – наряд павлина.

Мисси Потоцкая была дочерью разорившихся родителей. По слухам, она усердно ловила женихов. Громче других смеялся ее остроумам сам хозяин дома, инженер Витольд Оскерко, розовый, полный, бритый блондин, слегка косящий на левый глаз.

В столовую входили Генрих Шемиот с сыном Юлием и доктор Мирский, известный психиатр, владелец лечебницы.

Всех их встретил благожелательный, уважительный шепот.

Шемнот-отец церемонно поцеловал руку Христины. Она быстро и враждебно посмотрела на него. Сейчас же он отошел к Мисси Потоцкой.

Доктор Мирский шепнул Христине по-приятельски:

– Сегодня я видел вашего мальчика... Ах, это исключительный ребенок.

Она сухо и неопределенно улыбнулась.

Юлий Шемиот – высокий юноша с белокурыми полосами и глазами, напоминавшими светлые аметисты, оставался возле Христины.

Он положил на ее носовой платок кожаный футлярчик.

– Что это, друг мой?

– Маленький сувенир... вчера был день вашего рождения.

– Я его не праздновала.

Однако Христина раскрыла коробочку и нашла там кольцо редкой работы с великолепным опалом.

– Опалы приносят несчастье.

Она приложила кольцо к своему голубому жилету и надела без слов благодарности.

Юлий бормотал, пожирая ее глазами:

– Дорогой мамочке моей миленькой, которая наполнила мое сердце радостью. Ангелочку, бессмертному кумиру с пожеланиями долгих лет жизни!

Солнце село. Небо начало темнеть, из голубого переливаться в черное, но на горизонте еще горела оранжево-красная полоса среди золота. Ничего более не сверкало. Готические шпили костела и весь он казались сделанными из Черного мрамора. В черное окрасились и деревья, и главная аллея, по которой медленно катились экипажи, увозя нарядных женщин в казино. Наступала ночь, мягкая, влажная, пропитанная запахом акаций.

Мисси Потоцкая простилась, торопясь куда-то. За нею исчез Витольд. Многие из гостей тоже уходили.

– Вам дурно? – спросил Юлий, удивляясь бледности и беспокойству Христины.

Но она не слышала, пристально глядя на дверь столовой. Алина Рущиц входила быстро, чуть-чуть запыхавшись. С полей ее большой шляпы мягко спускались перья райской птицы. На ней был шелковый, очень простой костюм и букет фиалок между складок корсажа.

– Ах, гадкая, – прошептала Христина, жадно целуя подругу, – что ты со мной делаешь?

Но Алина сияющими глазами смотрела на Шемиота-отца.

Издали сдержанно и учтиво он поклонился ей. Немного разочарованная, она села около Христины, принимая в чашке японского фарфора чай и дружелюбно улыбаясь Юлию.

Небрежные фразы мешались с мыслями.

– Этот мальчик очарователен, хотя совсем не похож на отца... он словно нарисован сиреневым и синим... сиреневым и синим, – у него чудесный профиль... я начну обожать его имя... оно очень идет к нему...

А Юлий, отрезая ей кусочек торта, решал, в свою очередь...

– Если она станет моей мачехой, мы поладим... в ней есть какая-то разжигающая покорность... Жаль, что я влюблен в Христину...

– Не знаю, почему ты кажешься возбужденной в последнее время, Алина, – заметила Оскерко, – вернее, знаю, но не хочу говорить...

– О... тише.

– Нас никто не слышит.

Шемиот-отец прощался. Алина бросила на него умоляющий взгляд. Он сделал вид, что не заметил.

– А ты, Юлий?

– Я ухожу с тобою, отец...

Вслед за Шемиотами разошлись и другие гости. Теперь была глубокая тишина и квартире. Попугайчики спали, закрытые атласным зеленым покрывалом.

Христина говорила с горечью:

– Вы все купаетесь и разврате... вас бьет чувственная лихорадка... У Шемиота любовница в доме, Клара ради него изменила жениху, и тот застрелился. Мисси Потоцкая оголяется ниже талии... К брату моему чуть ли не ежедневно бегают накрашенные девки. Скоро они разложатся по всем комнатам... Что ты знаешь о Шемиоте? Возможно, он болен... и потом он стар, суров и насмешлив... а любить можно только добрых и ясных людей... К чему все это? Ах, я так гордилась тобою, Алина... ты была так чиста, наивна, спокойна... Я думала (о, как я ошиблась), я думала, тебе будет достаточно моей любви, дорогая...

И на изумленный жест Алины она возразила, волнуясь и тоскуя:

– Я люблю тебя... я люблю тебя! Ты думаешь, я безумна? Нормально, ненормально... Ах, оставь... Может быть, ты справишься у врачей?... Что они знают, эти грязные животные? Для них все просто, ясно, на все приготовлено лекарство, режим, душ, диета... Природа же – великая обманщица... Разве у меня нет ребенка чересчур умного?... Откуда это?... Нелепость... случайность... Глупейшая история на курорте, нечто вроде кошмара... моя нерешительность, боязнь сделать аборт, в результате – мальчик... Вот тебе природа!..

Униженная и удрученная, Алина молчала.

Город горел огнями. Ночь была лунная, почти без звезд. Алина долго стояла у окна. Ей дарованы красота, здоровье, богатство, изящество мысли, и неужели со всем этим она не сумеет быть счастливой?

Плач Христины заставил ее испуганно оглянуться, Бросаясь перед ней на колени, Оскерко повторяла с отчаянием:

– Я люблю тебя... Я люблю тебя...

Несколько дней шел дождь. В саду нанесло много песка, испортило клумбы, размыло дорожки. Алину терзали муки стыда, раскаяния и досады. Особенно ей было неприятно вспоминать последнюю встречу с Христиной Оскерко. Подруга внушила ей страх и любопытство. Что случилось с этой веселой, рассудительной девушкой? Как она, Алина, раньше ничего не замечала? Неужели же это была настоящая любовь: ревнивая, безрассудная и жестокая? Потом Алина решила, что у нее нет никаких поводов презирать Христину. Правда, она чувствует не так, как все... Но разве это вина?... Она совсем не хочет причинить подруге горе, отдаляясь от нее. Зачем? Они привыкли друг к другу.

Она лукаво улыбнулась, не желая признаться себе самой, что ей доставляет удовольствие – глубокое и странное – мучить Христину.

И позже она думала о том же:

– Если бы во мне, наряду с жадой унижения и боли, не жило стремление унижать и причинять боль в свою очередь, я бы превратилась в нечто скользкое и липкое.

В тот же день Войцехова завела речь о лакее Шемиота – Яне Щуреке. Барин уезжал в имение, и Щурек остается без места на летнее время. Почему бы барышне не взять его к себе в садовники? Она вовсе расхвалила Щурека, пожилого, хитрого литовца, с лицом, изрытым оспой.

На самом деле хитрая Войцехова просто изменила тактику. Что же, если барышня выйдет замуж, придется ладить с барином.

Чуть порозовев, Алина выслушала старуху. Хорошо, можно взять Щурека на лето.

Потом она сложила свое вышивание и шелковый мешок на бронзовом треножнике и размечталась о Шемиоте. Желание увидеть его наполнило ее волнением и ликованием.

– Боже мой, он приглашал меня столько раз... Не сегодня-завтра Клара утащит его из города...

И она кончила тем, что переоделась и поехала к Шемиоту в восемь часов вечера.

К ней вышла Клара, бледная и официальная.

Она сказала тихо:

– Господин Шемиот не принимает. Алина поняла, что Шемиот, значит, не слышал звонка. Ей стало весело. Она тоже не протянула руки.

– О... меня он примет.

– Вы так уверены, мадемуазель?

– Конечно.

– Но я все-таки просила бы вас приехать завтра утром или передать мне...

Клара упорствовала, заслоняя дверь своими широкими бедрами и поднимая на нее умоляющие, измученные глаза.

В ту же минуту показался Шемиот.

– Ах...

И, целуя радостно руку Алины, пропуская ее вперед, он сказал через плечо:

– Распорядитесь подать нам кофе... фруктов..., кажется, у нас есть ликер...

Клара молча исчезла.

В кабинете Шемиота Алина несколько раз облегченно вздохнула. У него... С ним... Наконец-то...

Лампа под абажуром из белых бисерных нитей освещала только стол и букет темно-красных, почти черных роз. Их благоухание, тонкое, сладкое, нежное, проникало в душу Алины. Она взяла одну из них, и, полузакрывая глаза, медленно, кончиками губ обрывала лепесток за лепестком.

Последнее время она думала, что способна на одно сладострастие. Теперь она ощущала любовь, глубокую и ясную. Она изумлялась в душе, почему она представляла его себе только жестоким, грубым, властолюбивым, в страсти утонченно-требовательным. А между тем тем он сидит возле нее в двух шагах – веселый, ласковый, добрый, и это так хорошо... Боже, как хорошо быть простой и здоровой...

– Вы не слушаете меня, дорогая?...

Он нежно взял ее за руку. Она тихонечко отняла.

– Простите меня... я рассеянна...

– Что такое?...

Алина покачала головой. Если бы признаться... но это невозможно.

– Почему вы перестали навещать меня, Алина?...

– Клара не любит меня...

– О, пустое...

Но она не верила и ревновала.

Шемиот сказал певуче:

– Я много думал о вас, Алина... вы немножко беспутная женщина. При большом ветре вы способны побежать к морю и протягивать к нему руки и петь, воображая себя Ундиной... в глубокую метель вы можете бродить по незнакомым улицам и считать себя одинокой и быть действительно одинокой в целом мире. Вы страстно влюбитеесь в голос поющий за чужой изгородью, и проплачете ночь из-за артиста, который спускался по лестнице, надевая перчатку... Другой раз, не зная о том, вас сведет с ума епископ, служивший мессе, с лицом Христа. А потом вы исхудаете из-за того адмирала, который стоит у руля, и его плащ развеивается самым романтическим образом... Ах, Алина, вы очень забавны...

Клара принесла им кофе. Она даже надела фартучек, словно горничная. Вероятно, с таким же лицом она прислуживала и покойной жене Шемиота. Потом она ушла и затаилась в соседней комнате. Алина через стену чувствовала ее присутствие.

Она сказала, отпивая кофе:

– Утром у меня была Христина. Ей очень тяжело...

Шемиот холодно пожал плечами.

– Христина Оскерко дурно устроила свою жизнь.

Алина пыталась защитить ее. Все состояние принадлежит брату, Витольду. Он кутит и много проигрывает. А Христина при нем в роли едва ли не экономки.

– Держитесь подальше от нее, – настаивал Шемиот, – ваша дружба безнравственна. Я это понял с первого взгляда. Христина внесет сумбур, сплетни, несчастье и сожаление. Пусть она кается на стороне. Где ее ребенок?

Властный тон Шемиота очаровал Алину. Она ответила несмело, глядя на его тонкую руку, которую утомлял огромный изумруд.

– Где ребенок Христины? Она отдала его в частный пансион.

Клара ходила за дверью. Шемиот мысленно улыбнулся. Заставить женщину объясниться в любви, когда другая женщина плачет за дверью, – вовсе не так уже плоско.

– Почему вы не выходите замуж Алина?

Она засмеялась и смеялась долго, чтобы скрыть волнение.

– Но... разве вы?... Святая Мария!.. Если бы вы захотели жену...

Он чуть-чуть поклонился:

– Я знаю, вы очень расположены ко мне, Алина. Но я не гожусь для роли мужа... Я вас так понял?

Она не упала в обморок, а проговорила чужим голосом:

– Вы меня поняли. Я люблю вас, Генрих...

– Вы мне льстите... Я стар... из этого ничего не выйдет...

– Никогда?

Он позабавился ее отчаянием:

– Я не знаю.

И, после паузы:

– Я отказался от чести быть вашим мужем, Алина, но это еще не значит, что вы мне не дороги...

Каким-то чудом она не заплакала. Она прошептала:

– Ну, мне пора уходить...

– Я скоро уезжаю в имение. Мы еще увидимся?

– Да.

Стоя совсем близко, он заглянул ей и глаза, По ней прошел знакомый, глухой трепет.

– Благодарю вас за сегодняшний вечер, Алина. Возле самых дверей кабинета Клара осталась в позе оцепенения. Увидев ее, Алина невольно вздрогнула. Обе женщины слегка поклонились друг другу.

Когда Алина ушла, Шемиот посмотрел на часы. Было четверть первого.

– Боже мой, – пробормотал он, крайне недовольный.

Кофе, фрукты, запах роз, ликера и духов Алины раздражали его. Обыкновенно он курил очень мало. Теперь, нервничая, он наполнил пепельницу папиросами. В это время он уже бывает в постели, освеженный умыванием, переменяя белье, и спокойно читает или обдумывает прошедший день. А сегодня он потерял столько времени из-за этой девушки, мечтательной и эксцентричной. Не зашел ли он далеко? Как подобные волнения отразятся на его здоровье? И в конце концов, к чему все это? Менее всего он склонен жениться. Это хлопотно и скучно. Десять лет тому назад ему казалось заманчивым победить каждую женщину, бросить ее перед собой на колени... Теперь его больше тешит посеять собственные вкусы и желания на благодатной почве, Алина для него – хорошо вспаханное поле... он бросает туда семена и ждет всходов.

Клара вошла убрать со стола. Она не позволяла лакею мешать Шемиоту.

Шемиот внимательно посмотрел на нее.

Как у всех нервных людей, ее внешность мгновенно менялась. Сейчас, после визита Алины, Который для нее тянулся вечность, после нескольких часов нестерпимых страданий, ревности и отчаяния, Клара постарела. Она согнулась, смотрела мутным, бесконечно усталым взглядом.

В первый раз за последние годы в Шемиоте вспыхнуло сострадание, пылкое и стремительное:

– Милая, ты устала?

Измученная, она подняла голову. Как давно он не называл ее на «ты».

– Совсем немного...

Он подошел ближе, улыбнулся, обнял ее с живостью и грацией.

На секунду перед ним мелькнуло ее прежнее лицо розовое, свежее, с доверчивыми кроткими глазами, с зубами белыми, как сама белизна. Она была перед ним такая, какой двадцать лет тому назад пришла отдать ему честь, деньги, семью, жениха, все, что имела, – ради унижительного и двусмысленного положения при его жене. Он вспомнил также то жуткое, странное и жестокое, чему он подвергал ее, когда хотел, и чему она покорялась в немом ужасе, с тайным сладострастием, отчаянием и стыдом. Она была больше чем любовница и больше чем

раба. Она была его эхом и вещью. Теперь она должна смотреть, как он любит других женщин и любит их в свою очередь.

Его сердце сжалось.

– Ты устала, Клара... конечно, ты устала... извини меня... Она продолжала смотреть на него скорее испуганно, чем благодарно. Какое еще новое мучение он готовит ей? Она по опыту знала, что он становился особенно мягким, ласковым, предупредительным перед тем, как причинить ей боль.

– Тебя беспокоит Алина?... Она нетактична и болтлива... Уверяю тебя, я даже не нахожу ее достаточно умной.

Клара покачала головой. Она выдавила из себя глухие слова, убирая кофе:

– Девочка очень мила.

– Нет, нет... не будь снисходительна... Обожди, мы скоро уедем на дачу и избавимся от непрошенных визитов...

– Как хочешь...

Он снял и бросил воротничок, манжеты. Запонки покатались на пол. Клара подняла их.

Он улыбался доброй и просительной улыбкой и казался совсем юным со своими пышными золотистыми волосами, крупными губами, черными, гордыми глазами.

Клира вышла и вернулась... У нее слегка кружилась голова... Неужели он до сих пор любит ее?... Ведь когда-то он клялся жениться на ней. Неужели же?... И она уже страдала за Алину.

Шемиот не ушел в спальню, а прилег на диван и подозвал Клару. Обнимая ее, он спрашивал растроганным голосом... Что у нее болит?... Почему она не бережет своего здоровья?... Почему она так грустна?...

Тогда она заплакала, отвечая шепотом, ибо от слабости и волнения у нее не хватало голоса:

– У меня везде болит... грудь, поясница, внизу живота... между лопатками... в пищеводе... Я чувствую, как я задыхаюсь, и этот пот... ты ведь знаешь мое тело?... я всегда была сухая и горячая... теперь я мокрая и холодная, как лягушка... я не сплю и не ем. Я боюсь умереть, Генрих.

Он страстно обнял ее, словно был влюблен в нее без памяти, целовал ее волосы, лицо, руки, утешал, успокаивал, обещал, клялся, покуда она не начала тихо смеяться, просветленная, счастливая, почти здоровая. Тогда он ощутил мертвящую пустоту, глубокое утомление... Проникся мыслью об Алине и равнодушно отослал спать Клару.

Третья глава

Шемиот уехал в имение, ни единым словом не предупредив Алину, даже не простившись с ней по телефону. Алина узнала эту новость от лакея Щурека, который перевез свой синий сундук и теперь исполнял здесь должность садовника. Алина была смертельно оскорблена. Наплакавшись вдоволь, она утешила себя мыслью: «Мужчину всегда пугает сближение с женщиной, И потом эта Клара!.. Она восстанавливает его против меня, А быть может, он мучает меня умышленно?»

Однако она продолжала не спать, томиться, страдала от зноя, мучила всех в доме своей резкостью. Ежедневно сюда являлась Христина.

Алина как-то вспомнила о ее ребенке, который, несмотря на лето, оставался в пансионе. Экономка взялась следить за ним. Бруно целыми днями бродит один по пустым классам и только за обедом, завтраком видит людей. Она представила его круглую головку с каштановыми редкими волосами, серьезные голубые глаза, пухлый ротик. И, содрогаясь от сострадания, упросила Христину привезти к ней Бруно. Увидев его, Алина удивилась. Снова у него был старенький костюмчик, плохо обутые ножки, прошлогодняя шляпа. А между тем еще совсем недавно Алина передала Оскерко довольно солидную сумму, она всегда заботилась об этом несчастном ребенке. Каждый раз при встрече с ним она обходила подряд несколько магазинов, и в те дни ей до самого вечера приносили пакеты и коробки.

Сегодня она рассердилась на Христину:

– Куда ты выбросила деньги?

– Я? Но я заплатила за свое коричневое платье... то, что с голубым жилетом... оно всем нравится...

– О, это гадко... ты дурная мать, Христина.

– Бруно еще мал для нарядов...

И так как Алина занялась мальчиком, Христина кидала вокруг себя мрачные, полные зависти и тоски взгляды. Почему Алина не возьмет его к себе? Что было бы проще, как не жить вместе в этом чудесном, уединенном особняке, среди изящной старинной мебели? О, вместе на этой широкой сладострастной кровати, задержав ее шелковые, лунного цвета занавески. Она бы целовала маленькие ступни ног Алины и линию спины, изогнутую и волнующую, и длинные ароматные волосы, всю ее, всю...

Христина почти задыхалась. Она встала и неожиданно для самой себя очутилась в комнате Войцеховой. Старая служанка в черном платье, но без чепчика бормотала молитву. Они очень приветливо поздоровались.

– Ну, как дела, Войцехова?

Войцехова недовольно пожевала губами. Осторожно она намекнула, что барышня изменилась к худшему. По хозяйству ненужные траты и упущения. Щурек оказался вором, однако барышня не гонит его, ибо негодяй умеет рассказывать о порядках в доме господина Шемиота.

Христина раздраженно вспыхнула.

– Господин Шемиот – безнравственный человек, – сказала она ледяным тоном, – я не о таком муже мечтала для Алины.

Служанку прорвало:

– О да, барышня ох как попрыгает, когда выйдет замуж за Шемиота... небось, та гувернантка по три дня ходит с мокрыми глазами... Сердце Иисуса, смилуйся над нами!.. Все горе еще и оттого, что барышня неверующая...

И они долго еще сплетничали, терзаемые тревогой и завистью.

Наконец Войцехова проговорила лстыиво:

– И почему бы нашей барышне не выйти замуж за пана Витольда? Человек молодой, богатый. Это была бы стоящая партия... Люди заткнули бы свои глотки.

Христина слушала ее, оглушенная. Какая мысль!.. Если бы Алина вышла за Витольда, они бы породнились... вполне естественно, что Христина тогда переедет сюда... И маленький Бруно... и все будет хорошо.

Она под села к служанке, и они продолжали шептаться, как две заговорщицы.

В комнатах маленький Бруно тихонечко и с удовольствием рассматривал картинки.

Апине стало скучно. Чувствуя себя чужой и собственном доме, уставшая от Христины и бесплодной печали последних дней, она спустилась и сад.

Был полдень. Бледная лазурь казалась раскаленной. На кустах розы цвели вторично: белые, желтые, пурпурные и розовые. Пчелы ползали по ним, как тяжелые капли золотого меда. Белые розы казались сделанными из белого шелка, неживыми, сверкающе-прекрасными и возбуждали сладострастное желание бури, уничтожения, гниения, смерти. Они пили летнее солнце, ароматы, ветер и синеву неба своими детскими, целомудренными устами. Желтые розы, по краям розоватые, словно залитые отблеском зари или заката, теплые, нежные, чувственные и покорные. Бенгальские розы, розы Франции и те, пурпурно-черные махровые, сладкие, как мускат, вызвали в Алине жест восхищения. Розовые розы были круглы, тяжелы, словно зрелые, сочные плоды; густой аромат их, смесь вина, сахара, ванили, осаждался на губах, подобно соленому ветру моря.

В конце аллеи она села на каменную скамью, оглядываясь кругом пьяными глазами. Не была ли любовь соткана из ароматов, солнечных лучей, медленного сладострастия?

И она закрыла глаза, мечтая о Шемиоте и обладая им мысленно с опытностью девственности.

После ряда бессонных ночей Алина дождалась письма от Шемиота. Самым невинным тоном он приглашал ее к себе в имение. Он объяснял, что через четыре часа езды по железной дороге Алина приедет на станцию Х., где ее будут ждать лошади.

Далее он рассказал, что дом его стоит на горе. Дожди вырыли глубокие извилистые овраги, и по крутизне цветет дикий шиповник. Ниже шумят деревья, и река достигает их корней. Несколько раз он видел молодого орла. В поле можно найти лиловые и желтые ирисы, пахнущие медом, зрелым хлебом, горячей землею, а также голубые, белые, сиреневые колокольчики и липкую смолку.

Алина тихонько вскрикнула и опустила письмо. Что Шемиот думает о ней? Знать ее, Алину, барышню из общества, к себе в имение? И он не написал ни одного слова ни об Юлие, ни о Кларе?... И как он мог быть таким самоуверенным? Вот что значит объясниться в любви первой... женщина всегда это почувствует... ее более не уважают... в ее готовности на все уже не сомневаются... Алина рассердилась, потом заплакала, потом выбрала себя за подозрительность, возликовала, затряслась от любви, нетерпения и решила уехать к Шемиоту. Был понедельник, и она, суеверная, отложила отъезд свой на вторник.

Через час, когда она гуляла по аллее маленькими, чинными шажками, Щурек доложил о приезде Шемиота.

Это был молодой Шемиот, Юлий.

Покуда он вежливо кланялся и передавал поклон от отца, Алина стояла перед ним бледная и растерянная. Она приготовилась видеть его отца.

– Вы снова в городе? Что случилось?

Юлий принял серьезный вид. Клара совсем расхворалась. Они опасаются несчастного исхода. Оставаться в имении без медицинской помощи невозможно. Только что он отвез ее и лечебницу св. Винсента.

– Боже мой, какое несчастье, – повторила Алина.

Потом она вздохнула с огромным облегчением. Так вот почему Шемиот пригласил ее в имение?... Он один... он тоскует... он безумствует... милый, милый!

И она пригласила Юлия завтракать с нежным соболезнаванием.

Как никогда, он был интересен сегодня. Его красивая голова с профилем Цезаря, светлый костюм, цветок в петлице, длинный шелковый галстук, весь изящный силуэт молодого человека лет двадцати, а главное, какая-то неуловимая грусть в лице растрогали Алину.

«Это его сын, – подумала Алина, – это его сын...»

За завтраком Юлий заговорил откровенно. Алина поняла его с первого слова:

– Дорогой Юлий, чего, собственно, вы хотите от Христины?

– Я хочу жениться на ней...

– Христина старше вас.

– Это не имеет значения.

– Она небогата.

– О, я ведь уже кончил университет... Кроме того, я имею кое-какие средства от матери... таким образом, я совершенно самостоятелен...

– Вы уверены, что Христина расположена к вам?...

– Я ни в чем не уверен...

– А ваш отец?...

– Я говорил с ним. Он дает мне полную свободу. Алина засмеялась.

– Извините меня, Юлий... Я задавала вам вопросы с грубостью мещанки... что мне делать для вас?

– Помочь мне завоевать Христину...

– Я постараюсь...

После ухода Юлия она снова очутилась в саду, мечтательная и ленивая. Цветники благоухали, под абрикосами лежала густая тень. Она было направилась туда, но окунулась в траву выше колен и вернулась снова на дорожку. На небе розовые, желтые и фиолетовые тона растопились и смешались воедино.

Ее попросили вернуться в дом – барышня Оскерко звонит по телефону, – и она пошла недовольная. Одна мысль, что Христина может помешать ее встрече с Шемиотом, вызывала в ней раздражение и неприязнь.

Она лениво взяла трубку:

– Это ты, Христина?... Здравствуй... нет, ко мне нельзя прийти... я уезжаю сегодня вечерним поездом...

Христина истерично что-то закричала. Алина перебила:

– Не зли меня, милочка... Боже мой, какая скука... я ведь свободный человек...

И раздосадованная, она отошла от телефона. Разумеется, Христина явилась. Она падала на колени, рыдала, заклинала, грозила все рассказать Кларе или облить кислотой Шемиота. Алина осталась непреклонной. Кротко и терпеливо она убеждала подругу подумать об Юлие. Вот кого нужно жалеть и любить Христине. В этом ее счастье.

– Нет... нет... Я покончу с собою...

Алина снова рассердилась.

Щурек вынес чемодан, Войцехова с неодобрением разглядывала автомобиль. Христина впала в мрачное отчаяние. Она сидела и думала, думала...

Алина тронула ее за плечо:

– Идем же, друг мой...

Они поехали.

На Алине было пальто дымчатого цвета, очень широкое, закрывавшее ее всю до узких ботинок, капюшон того же цвета что и подкладка – светлый тон со светлыми крошечными

букетиками. Свою белокурую головку она упрятала в маленькую шляпку – грибок, а длинный шарф завязала у подбородка.

Мимо мелькали сады, дома, люди – Алина ничего не видела. Она улыбалась и грезила. Через несколько часов она будет в объятиях Шемиота.

Христина спросила:

– Почему ты не хочешь серьезно отнестись ко мне, Алина? Разве я не заслуживаю жалости?

Алина смутилась. Конечно, все это дико, нелепо, смешно, но Христина несчастна... К ней нужно отнестись терпимо. Она возразила мягко:

– Я боюсь подобных разговоров, Христина...

– Я оскорбляю тебя?

– Н-нет... но ты выражаешь свою люб... свою дружбу так, что с закрытыми глазами тебя можно принять за мужчину... Ах, если бы твои слова говорил мне Шемиот.

Алина радостно засмеялась, а Христина подавила вспышку гнева и продолжала холодно:

– Мне необходимо твое присутствие. Я хочу видеть тебя каждую минуту моей жизни, всегда. Это я почувствовала с первой встречи. До тебя я не испытывала ничего подобного. Разве пансион... к одной классной даме... Я хочу знать твои мысли, желания, поступки. Я хочу служить тебе и оберегать тебя от всего злого. Иногда я хочу видеть тебя в постели, с твоими длинными волосами, крепкой грудью, овалами бедер. Я понимаю, что могла бы ласкать тебя так, как ни ты, ни я сама еще не знаю... но это было бы восхитительно... Понимаешь?...

Алина смеялась. Она уже не сердилась. Конечно, нелепо со стороны Христины говорить о любви, раз она, Алина, едет к Шемиоту... но Христина несчастна... и пусть говорит...

– Я написала тебе сотни писем, дорогая... но я не смею отдать их. Меня возмущает одно... уже много лет я люблю тебя, я целую тебя в губы, и ты не тяготилась этим... Сколько раз я раздевала тебя... Сколько раз я была при тебе, когда ты сидела в ванне и напоминала наяду в раковине. Ах... Теперь ты встретила Шемиота и потеряла голову... Ты боишься расстегнуть при мне корсаж. Я целую тебя в затылок, и ты вздрагиваешь... я не знаю, может быть, даже от гадливости...

Алина не слушала. Она продолжала улыбаться своим мечтам, и ее глаза, синие, теплые, кроткие, мерцали таинственно и страстно.

Христина вспыхнула. Она грубо дернула ее за рукав:

– Очнись... да очнись же... или ты зверь? Мне тяжело... я страдаю, я брошусь под поезд...

Алина вздохнула.

– Что я могу, дорогая? – сказала она кротко. – Что я могу? Я твоя подруга, Я навсегда останусь ею... не больше... остальное для меня неприятно... и ничего не объясняй мне... прошу тебя...

Вокзал был почти пуст. Они прошли по перрону. Христина дрожала. Она не выпускала руку Алины, Кондуктор указал им вагон. В купе сидела какая-то дама.

– Который теперь час? – беспокоилась Дина.

– Восемь, – вмешалась соседка.

– В двенадцать часов я буду у...

Ночью! Христина побледнела еще больше. Она подумала – «Алина не вернется девственницей». Поезд тронулся. Христина выскочила, но еще побежала за ним, рыдая, с искаженным лицом, близкая к помешательству.

Расстроенная Алина вернулась на место.

– Это ваша сестра? – сочувственно спросила соседка.

– Да... кузина...

Алина испуганно покраснела.

– Вы надолго уезжаете?

– Надолго.

И Алина нетерпеливо закрыла глаза. Сейчас же она уснула тяжелым сном усталой батрачки.

На станции Алина подозвала жандарма и спросила, нет ли здесь лошадей из имения господина Шемиота. Лошадей не было. Удивленная и огорченная, она обратилась к начальнику станции. Очень обязательный чиновник успокоил ее. За хорошую плату лошадей можно достать немедленно. Потом он добавил, что молодой Шемиот и родственница Шемиота (Клара, подумала Алина) уехали в город. Знает ли об этом барышня?

Алина была смущена тем, как хорошо осведомлены здесь обо всем, что происходило в имении. Наконец ей подали лошадей, и она уехала, провожаемая колкой улыбкой начальника станции.

Алина не могла больше ни о чем думать. Когда она въезжала в усадьбу, ей захотелось выскочить из экипажа и убежать. Щеки ее пылали от стыда. Из темноты она слышала восклицания, лай собак, потом увидела на освещенной веранде Генриха Шемиота.

Он встретил ее спокойный, изысканно одетый, с книгой в руке. У него был вид, словно Алина зашла к нему из соседнего дома.

– Вы не прислали за мной лошадей! – воскликнула она тоном упрека.

– Я не был уверен...

– Как вы могли пригласить меня?

– Но, Боже мой, почему бы вам и не навестить старика?

Она опустила глаза, стягивая перчатки.

– Бедная Клара...

– Да, она серьезно заболела... Вы видели Юлия?... Отлично... Что вам, Викентий? А, сдачу с денег... для барышни. Лошади уехали? Хорошо... Пришлите сюда горничную... Покойной ночи, Алина...

И он удалился с поклоном, а она, ошеломленная, осталась на месте.

Кресло и стол на веранде были из тростника. Доски прогнили и пробивалась трава. Какая-то собака поднялась по ступенькам и приласкалась к Алине. Дальше шла темнота. Еще дальше сверкали огни. Алина поняла, что там паром. Но все это она воспринимала бессознательно. Она была удручена.

– Зачем я приехала? Генрих спрятался... Он вовсе мне не рад. Что я сделала?...

Появилась горничная, держа высоко лампу, и пригласила Алину в дом. Там стоял густой запах старой мебели, старых стен, старых тканей и книг. Кое-где блестела позолота рам, бронза часов, край зеркала.

Алина повеселела, увидев комнату в два окна, оклеенную светлыми обоями, с мебелью розовой, выцветшей, но очаровательной. Пол закрывал ковер, по которому амурсы вили венки из роз. Несколько наивных гравюр висело по стенам.

Горничная, назвавшись Франусей, принесла ужин – цыпленка с салатом, вино, сыр, вишни. Алина ела с аппетитом. Франуся объяснялась скромно и вместе с тем многозначительно. Ее глаза, крохотные и задорные, блестели среди круглых щек, вздернутого носа, пухлых губ. Она рассказывала, что первый раз служит в имении, скучает по городу и рада до смерти приезду барышни. Теперь не будет так скучно, разумеется... голос живой услышишь... Когда родственница барина лежала здесь, она, Франуся, подумала даже бросить место, так все пропахло лекарствами... желудочная болезнь... неопрятность...

Алина беспокоилась о своих помятых платьях. Франуся клялась, что разгладит их до девяти часов утра – барышня может положиться на нее.

– Благодарю вас. А когда встанет барин?

– Барин встанет очень поздно. Он пьет кофе у себя.

Она собрала тарелки и ушла, пожелав покойной ночи. Алина осталась одна и не заперла дверь. Она решила всему покориться. Ах, все равно... ведь Шемиот женится на ней. В негодовании она уличила себя во лжи. Если она действительно его невеста, то зачем же она приехала сюда, как женщина легкого поведения? Она устыдилась. Только бы он женился... После всего, что случилось, он должен поднять ее в ее же глазах. Ведь ее душа загрязнилась ради него. Она была раньше совсем дитятей, с печальным детством, суровой гувернанткой, дружбой Христины. Она довольствовалась садом, книгами, платьями, считала величайшим удовольствием прогулку в автомобиле или на пароходе. Жизнь представлялась ей сладким сном. Ее никуда не тянуло. У нее не было невозможных желаний. Но теперь явился Шемиот, и она кричит от любви, как разъяренная самка, и (самое ужасное) познавши сладость запрещенных мыслей и желаний, она не ощущает того, что бы ее оправдало, – она не хочет материнства.

Между тем Шемиот лежал на другом конце дома. Его рыжеватые волосы и сияющий лоб были смочены одеколоном. Он мучился мигренью и досадовал на самого себя.

Алина приехала... впрочем, он не сомневался, что к его приглашению она отнесется как к приказанию. Он ждал сильных ощущений – их нет. Всю спорную сладость обладания он познал уже мысленно. Действительность не даст ему ничего нового. Если же он воспользуется тем, что девушка влюблена в него, и не даст ей никаких обязательств, тогда получится второй экземпляр Клары. Целую ручки!.. Они загрызут друг друга. Надевать халат, туфли, красться в ее комнату... А наутро заплаканные глаза, упрекающее молчание, скорбные губы и ожидание, ожидание чего-то, чего никогда не будет... Какая пошлость! И ради чего? Ради ее крика, крика потерянной девственности?... А вдруг он ошибается, и она даже не девушка?...

Шемиот перелистал несколько страниц и читал, думая об Алине.

– Единственно, что я мог бы сделать, это прийти к ней корректно одетый, спокойный, прочесть ей длинную нотацию о девической неосторожности и высечь ее среди смятых подушек и горячих простынь. Алина была бы прелестна в испуге. Она вся была бы смятение, любовь, стыд, покорность и мольба... Ах, Алина, вы в моей власти...

Он выпил воды. Сильно побледнел, но его мигрень стихла.

– Все это мечты. Действительность гораздо грубее. Быть может, Алина окажется совсем не сладострастной в боли, не покорной... начнет истерично кричать, грубо плакать... Я не знаю. Во всяком случае, нужно помедлить. Я хочу причинить ей самый глубокий стыд. В наказании, как и в сладострастии, важен стыд, а не боль. Боль даже отрезвляет. Я подожду... Я терпелив, Алина... Я ведь еще не слышал, как вы объясняетесь в любви. У нас много времени.

Алина проснулась рано. Через жалюзи сверкало солнце. Босиком она прошла к окну и потянула жалюзи кверху. И улыбнулась.

Вчерашняя темнота оказалась зеленью – яркой, темнее и совсем темной. На земле расстилались озера цветов. Розы, левкои, лилии, тюльпаны, мята, царские кудри, парижские красавицы, нарциссы, гвоздики, анютины глазки. Все это благоухало, шевелилось от ветра как ароматные волны, и было то в тени, то на солнце.

Алина задрожала от нетерпения, Ах, уйти скорее, скорее, смеяться солнцу, ветру, небу, саду, цветам. Одеваясь, она спрашивала себя, не сошла ли она вчера с ума?... Ведь она вообразила себя несчастной и погибшей. Это ложь. Генрих любит ее. В его годы не шутят. Конечно, он не бросился ей на шею, а убежал, подобно счастливому юноше. Тем лучше. Лишнее доказательство, как он взволнован и серьезен.

Франуся принесла ей кофе и великолепно разглаженные платья. Алина болтала с нею дружески. В усадьбе злые собаки? Нет, злые на цепи, спускаются только ночью, а остальные даже не лают. Барышня может спокойно идти и направо, и налево, и к полю, и к гумну. Пусть только барышня не пугается, если увидит ужей. Их тут множество.

Алина бросила последний взгляд в зеркало. На ней было белое муслиновое платье с узенькой фиолетовой бархоткой под грудью и длинный шарф с каймой, как у женщины Первой Империи.

Небо напоминало чистую твердую эмаль и лишь к горизонту слегка розовело и туманилось. Только под старыми деревьями можно было укрыться от солнца, расплавленного золота, льющегося на землю. Алина удивилась тишине. Вокруг барского дома, где она ночевала, и вокруг флигелька не было ни одной постройки.

«А где же экономия?» – подумала Алина с беспокойством хозяйки.

Она увидела ее и гумно за садом, поднявшись в гору. Дорога вела между двумя рядами старых акаций. Глубокие канавы наполнились травой, ромашками, незабудками, колокольчиками и лютиками. Развалившийся плетень скрылся под густой сеткой темно-синих и лиловых выюнков. Несколько раз Алина останавливалась. Великолепные, блестящие ужи, чуть-чуть шевеля головками и язычком, грелись на лопухах. При шорохе ее шагов они соскальзывали в траву и исчезали, задевая былинки. Хотелось взять в руки чудесных, ярко-зеленых ящериц, до того они выглядели нарядными и милыми. Маленькие птички порхали, щебетали, дрались и любили друг друга в кустарниках.

Около высокого креста Алина села.

Это был пункт, с которого имение Шемиота виднелось, как на карте.

Крыша дома среди зелени напоминала красную черепаху; экономия за садом примыкала к влажному, свежему лугу, а дальше шла хороню выбитая дорога. Река, темно-синяя посередине, к берегам становилась мутно-желтой. Спуститься к ней по крутизне казались очень трудным, а деревья, растущие в оврагах, уменьшались до размера обыкновенных кустов. Алина была довольна. Она не подозревала, что у Шемиота такое крупное, хорошее имение. Он говорил о нем с небрежным видом, словно о глухой и заброшенной деревушке. Алина инстинктивно ненавидела бедность, как безобразие, зависимость, нечистоплотность. Часто она опасалась, не была ли нерешительность Шемиота следствием его денежного неравенства. Но теперь она успокоилась.

Странный звук, похожий на расщепление дерева, заставил ее оглянуться.

Маленький ослик пробирался среди кукурузного поля, шевеля длинными ушами и смотря удивленно на Алину своими черными бархатными глазами. Боже, до чего он был трогателен! Алина поднялась и пошла к нему с намерением обнять и расцеловать это смиренное животное. Но ослик не спеша повернул наискось, не желая подвергать себя опасности. Через несколько шагов он остановился и завопил от радости, спугнув птичек.

Алина пошла обратно.

Около дома она встретила Шемиота. Он разговаривал с крестьянином, но его жесты, наклон головы оставались такими же чопорными, по-старомодному вежливыми, как и в гостиной.

– Доброе утро, Алина... вы чудесно выглядите.

Она покраснела, удерживая себя от желания опустить глаза.

– Благодарю вас. Я спала как убитая.

– Я в вашем распоряжении только до завтрака, дорогая... потом займитесь чем-нибудь сами... Я запираюсь в кабинете и работаю.

– Я охотно посидела бы около вас.

– О, будьте благоразумны. У нас еще много времени.

Ей захотелось уколоть его:

– Я уеду сегодня... с ночным поездом...

– Что ж... как хотите...

Он казался совершенно неуязвимым.

За завтраком, между бульоном и фаршированным цыпленком, он прочел ей маленькую лекцию о «женском вопросе» – как он его понимал. Он вовсе не против эмансипации (смешное, старое слово), он меньше, чем кто-либо, хочет запереть женщине двери в парламент, на профессорскую кафедру или отказать ей в звании полковника. Наоборот! Чем энергичнее, тоньше, умнее, изысканнее женщина, тем больше наслаждения даст она мужчине. Но совершенства она должна достигать с его помощью и даже через него, в нем. К мужчине, как к солнцу, она всегда должна тянуться. Если женщина любит, пусть она удвоенно обострит свои умственные, духовные и физические достоинства. Она обязана заслужить права на любовь мужчины. Он говорит, разумеется, не о тех несчастных, которые любовь считают синонимом гигиены. Между прочим, он допускает, разрешает и понимает тип женщины неверующей. Религию она заменит любовью, мужчину сделает богом и властелином. Мужчины от этого мало проиграют.

Алина смутилась.

Она понимала, что за всеми его небрежными фразами скрывается нечто, особенно близко, интимно касающееся ее саму.

Когда он заперся в кабинете, она ушла к себе, возненавидела солнце, небо, чужую усадьбу и пролежала на постели, как мешок с картофелем.

В четыре часа Франуся принесла ей чай, фрукты, конфеты.

– У барышни, голова болит?

– Немного.

– Барышне было бы лучше выйти на воздух.

«Она права, – раздраженно подумала Алина, – это похоже на то, что я сижу в заточении...»

Она сейчас же отправилась изучать цветники с робкой надеждой увидеть Шемиота. Жалюзи его окон были спущены. От цветов шел более сильный аромат, чем утром. Тюльпаны, прежде полуоткрытые, теперь зияли как рана. Тоска охватила ее с прежней силой. Снова она вернулась в комнату. Этот день измучил ее, казался бесконечным. Когда ее попросили обедать, ей уже было все равно, так она загрустила. Обед накрыли на веранде, очень городской обед, с чашками воды для умывания рук, с семью блюдами, зеленью, шампанским.

Шемиот выглядел озабоченным. Он беспрестанно говорил о том, как должна страдать Клара в госпитале, и удивлялся, почему Алина не навестила ее.

Она прямо посмотрела ему в глаза:

– Мы не дружны с Кларой...

– Почему?

– О... самая вульгарная причина... ревность...

– Вы правы, Алина. Это очень вульгарно.

Неожиданно он вынул из бокового кармана и передал ей маленькую книжечку в зеленой коже с вензелем цветного золота.

Она взяла и перелистала, бледнея. Она думала, что найдет там таинственные адреса или умышленно забытое письмо какой-нибудь женщины.

В зеленой книжечке Шемиот записал все, что ему не нравилось в Алине, – ее неудачные жесты и выражения, ее легкомыслие, чисто животное спокойствие, равнодушие ко всему, что не касалось ее, и т. д., и т. д. Под последним числом там стояло: «Она не навестила больную Клару». Алина была потрясена. Слезы выступили у нее, крупные и яркие. Как он заботился о ней. Как он думал...

Трогательным жестом, словно целуя молитвенник, она поцеловала эти странички...

Не переставая улыбаться глазами, Шемиот журил ее. Да, она поступила легкомысленно... Она влюбилась – это простительно... Она созналась ему... первая... без его желания – это уже почти дурно. Теперь она приехала в имение... Ах, какая девическая неосторожность... Она губит свою репутацию чересчур легко... он не выносит женщин с двусмысленным поведением.

И наконец, главное – она врывается в его жизнь не спрашиваясь, она настойчива в своей любви к нему, но он не любит настойчивых... он не дал ей права преследовать его. Она отрывает его от дела, от книг, от его привычек, она прямо-таки назойлива. Можно сказать и подумать, что она хочет женить его на себе... Боже, он не позволит ничего подобного...

А сам думал, замечая, как Алина подавлена: «Ее внушаемость поразительна».

Он добавил, накладывая мороженого, что покуда Алина еще ничем не заслужила его любви. За кого она считает его?... Многое в ней не нравится ему... ей необходимо измениться, она ребенок, который нуждается в строгом руководстве.

– Это правда, – шепнула Алина, сраженная его словами, чувствуя всю его правоту, умирая от раскаяния, – это правда... вы поможете мне исправиться.

Первый и последний раз Шемиот мысленно пожалел ее. Он сказал задумчиво:

– Если бы вы попали в монастырь, вы бы стали святою; если бы вы жили во времена Сафо, вы бы служили Афродите, как Билитис. А теперь я не знаю, что из вас получится, Алина...

После обеда он повел ее осматривать усадьбу другой дорогой, но тоже усаженной акациями. Когда встречались рабочие, он кланялся им с вежливостью равного.

Алина внимательно разглядывала кукурузное поле, постройки, большой квадрат гумна, поросший свежей невысокой травой. Солнце уже село. Лиловый оттенок примешался к синеве теней. Где-то снова кричал ослик.

Они поднялись в гору. Около креста Шемиот разостлал плащ. Алина села. Они долго смотрели на реку и деревья.

– А вот и орел, – сказал Шемиот. Птица делала сначала маленькие круги, потом все шире и шире, поднимаясь все выше, выше и наконец слилась с небом.

– Какой воздух!

– Какой воздух!

Он снял свою черную бархатную шапочку. У нее явилось огромное искушение поцеловать его сияющий лоб и пушистые волосы. Она почувствовала, что никого никогда не полюбит так, как Шемиота, и не нужно протестовать или бороться, а принять эту любовь и смириться.

Вечером того же дня она уехала обратно в город.

В доме все было благополучно. Войцехова рассказала, что Христина вчера долго сидела в саду. Молодой господин Шемиот справлялся по телефону о барышне. Женским инстинктом Войцехова угадала, куда ездила Алина.

С невинным видом она спросила:

– Барышня все-таки решила выйти замуж за господина Шемиота?

И на возмущенный окрик Алины забормотала испуганно:

– Сердце Иисуса... Барышне теперь не угодишь... Почему бы барышне и не выйти замуж в самом деле?...

Алина прогнала ее и пролила потоки слез. Несколько дней она не давала знать о своем приезде Христине. Ее самолюбие страдало. Однажды Войцехова взволнованно доложила о приходе господ Оскерко.

Христина стояла посередине гостиной с видом малознакомой дамы. Она осунулась, пожелтела и плотно сжимала губы. Витольд рассматривал альбомы.

– Боже, с каких пор вы так церемонитесь со мной?

– Извини... мы не знали, одна ли ты.

– Но с кем же я могла быть?...

Все троем они сидели на террасе, пили чай и говорили о пустяках. В саду Щурек починял скамейку, и Витольд вдруг сорвался с места и пошел давать ему указания.

Христина начала изводить подругу:

– Как, ты проводишь день и ночь с Шемиотом... И ты хочешь уверить меня, что вы вели себя ангелами... Я еще не рехнулась, Алина.

- Но я не лгу, дорогая...
- Он женится на тебе?
- Я не знаю.
- Как?... Ты ошалела?... Ты не знаешь?...
- Нет... нет... не мучь меня, Христина...
- И что будет дальше?
- Не знаю.
- Это чудовищно. Я предсказываю тебе... Шемиот готовит тебя на роль Клары...

Желая переменить разговор, Алиина спросила ее о Бруно. Как живет маленький? Почему она не привела его с собою? Христина сделала скучающее лицо. Бруно гостит теперь у доктора Мирского. Тот очень любит мальчика. Он находит, что Бруно – великолепный экземпляр вырождения. Из него может получиться и гений, и безумец. Потом Христина нагнулась и поцеловала шарф Алины. Та рассердилась, встала и пошла к Витольду. Щурек жаловался на новое место. Заметив приближение барышни, он напустил на себя еще большее неудовольствие. Да, господин Шемиот умел ценить его... а здесь Войцехова перегрызет ему горло, кухарка заставляет выливать помои. Алина прогнала из сада Щурека и ласково взяла Витольда под руку.

– Щурек прав... Войцехоца стала невыносима. Она шпионит за мною, бьет маленькую судомойку... Я рада была бы отделаться от Войцеховой.

Витольд рассеянно перебирал ее пальчики. Он относился к Алине очень сочувственно. Однако для него она не была женщиной. Он любил маленьких, плоских, алых, растрепанных, похожих на мальчишек, и делал исключение только для Мисси Потоцкой, которую упорно обольщал второй год. Он хотел жениться на Потоцкой, считая ее идеальной женой для светского человека, но в то же время его смущали советы Христины. Он твердо перил в практический ум сестры. Жениться на Алине? Почему нет? А вдруг это судьба... Потоцкая была бедна, Алина богата.

Он спросил Рушиц интимным тоном:

- Почему вы не сложите с себя груз будничных забот?
- Каким образом?
- Найдите себе мужа.

Она принужденно рассмеялась:

- Разве легко?

Он понизил голос:

Я давно догадался о ваших чувствах к Шемиоту. Скажите, это серьезно?

Она была счастлива говорить о Шемиоте. Витольд слушал ее с изумлением. Она казалась ему эксцентричной. В свою очередь, он поделился планами насчет Мисси Потоцкой. Они шли вглубь, тесно прижимаясь друг к другу, каждый жалуясь на свою судьбу.

– Почему вы так редко заходите ко мне? – воскликнула она, наконец, растроганная. – Я вас считаю своим братом.

– Не замечаешь, как погрязает в суете, – вздохнул он. Потом Витольд начал осуждать сестру. Зачем Христине понадобилось мучить Юлия Шемиота? Он блестящая партия для Христины. Конечно, Витольд хорошо знает свои братские обязанности, но Христина часто несносна и устраивает в доме ад. Если Юлию надоест эта комедия, он, Витольд, не удивится.

Христине надоело ждать их. Она окликнула брата злым голосом и сейчас же простилась. Ачина осталась сидеть на каменной скамье. Какая-то птица томила в кустах. Разгоряченная разговором о Шемиоте, Алина прикрывала глаза. Ей казалось, что он осторожно и медленно целует ее и губы.

Четвертая глава

Дождь лил не переставая. Веранду заперли, ибо вода протекала в комнаты. Удивительно, как деревья сада не устали качаться, сгибаться и кланяться земле. Алина полулежала, кутаясь в горностаевый палантин, испытывая непобедимое желание плакать. Мысли ее, как всегда, возвращались к Шемиоту и Кларе. Печальные новости.

Клара была при смерти.

Вчера Юлий сообщил Алине, что он вызвал отца. Даже к умирающей Алина терзалась ревностью. Останется ли Генрих около больной неотлучно или навестит Алину?

Она напрасно ждала его всю неделю.

Так как дождь не прекращался и каждый день проходил одинаково, время слилось для Алины.

– Господин Шемиот спрашивает барышню.

В глазах Алины зарябило:

– Как, ты оставила его внизу? Ты должна была просить его сюда... ко мне.

Войцехова пожала плечами. Она ворчала язвительно:

– Господин Шемиот и сам найдет дорогу, не впервые... Шемиот с большой неожиданностью поцеловал руку Алины.

– Простите мой неожиданный визит... я даже не предупредил вас по телефону... я очень сконфужен.

Выяснять, что происходит в лечебнице св. Винсента, она не хотела из-за смутного стыда и ожидания неминуемой катастрофы. Но тут появилась Войцехова...

– Наконец-то... я решила, что вы уехали.

– Умерла Клара. Я весь еще под этим впечатлением. Я не ждал такой скорой развязки...

Он сказал это просто, безо всякой аффектации. Пораженная, она искала в его глазах хотя бы намек на душевную муку. Ее не было.

У Алины полились слезы, не от облегчения, не от горя:

– Умерла... Какой ужас... Когда ее хоронят?...

– О... но ее уже похоронили... вчера утром... разве не читаете газет?...

Правда, последние дни она не читала газет. И она рассердилась. Почему же ей не дали знать? Она хотя бы цветов привезла на могилу.

– Вы меня смешите, Алина... вы не навещали покойную в лечебнице при жизни, так что нам до ее похорон?...

Сконфуженная, она продолжала плакать.

Шемиот рассказал подробности. К несчастью, труп весь изрезали... Ах, эти палачи... эти хирурги... покойная начала сейчас же разлагаться... Хорошо еще, что погода стояла холодная... в имении дороги размыты, ему пришлось ехать пароходом... Тот застрял на мели... едва не было серьезной опасности... Такая скука в деревне, что он даже обрадовался городу.

Алина вытерла слезы. Она успокоилась и не хотела лгать себе. Да, смерть Клары явилась огромным и неожиданным облегчением. Она боялась теперь одного, не слишком ли страдает Шемиот? Конечно, он должен терзаться сожалениями, воспоминаниями, ведь все же, по слухам, он был близок к покойной... Ах, не нужно оставлять его одного...

Она робко протянула руки:

– Возьмите меня с собою... умоляю вас...

– Куда? В имение?... Но это безумие... Что вам вздумалось?

Она молчала.

– Вы скомпрометировали себя, Алина уже в первый раз... вас заметили на станции... о вас болтала дворня... А теперь, когда Клара только умерла... Нет... нет...

– Но мне безразлично, что скажут на вашей станции, – возмутилась она, все равно... я хочу быть около вас в такие минуты.

– Какие минуты, Алина?... Вы сентиментальны... стыдитесь, я умею переносить неприятности.

Видя его спокойным, обычным, она тоже улыбнулась. Да, конечно, он мужчина.

Шемиот остался завтракать, про себя забавляясь растерянностью Алины. Теперь она будет ломать голову над вопросом, почему он не хочет ни жениться, ни сблизиться с нею.

Войцехова умышленно медленно служила им. Чтобы не звонить ей, Алина вставала и брала нужное с серванта. От ливня в столовой были сумерки, поблескивал только хрусталь на столе.

Шемиот спросил о Христине. Как она и что? Она по-прежнему внушает ему глубокую антипатию, но, если Юлий потерял голову, пусть берет ее и жены – он мешать сыну не станет. Для него важнее сохранить его привязанность и уважение.

После десерта они перешли в кабинет.

– Помните весну, Алина?... Мы здесь сидели очень дружно... вы рассказывали мне о своем детстве... и была гроза...

Она схватила его руки и покрыла их поцелуями:

– Помню ли я... помню ли я...

Он отнял руки, отступая, чуть-чуть манерный, мгновенно молодея:

– Успокойтесь, Алина... вы мне льстите... я стар...

Она говорила, говорила... о любви, о тоске, о том, что нужно что-то выяснить между ними, что-то объяснить, чему-то положить конец... И все сводилось к тому, как ей хочется поехать к нему в имение.

Лицо Шемиота было непроницаемо. Но он внимательно смотрел на Алину. Она ему нравилась сегодня гораздо более, чем обычно. На ней было простое платье, дымчатое либерти, вышитое белым стеклярусом, плечи, грудь, рукава из белого шифона. Она надела только нитку жемчуга, не крупного, но ровного, розового, который казался Шемиоту теплым.

Так как он молчал. Длина совсем потерялась:

– Побраните меня... я безумна... я смешна... побраните меня...

Он заметил холодно:

– Вы заслуживаете строгого выговора, это правда... вы ведете себя эксцентрично... почти истерично... я прямо-таки неприятно поражен... Я настойчиво предлагаю вам подумать о вашем поведении. – Он помедлил. – Алина... Иначе...

– Иначе?... – переспросила она Шемиота.

Иначе я накажу вас, – ответил Шемиот. Он даже удивился эффекту своих слов. Из бледной она сделалась пунцовой, из пунцовой снова бледной и не поднимала на него глаз.

После паузы он продолжал:

– Кто наказывает, тот любит. Это аксиома. Вы мне дороги, Алина... я забочусь о вас... я не допущу, чтобы вы сами себе коверкали жизнь... Разве я не ваш друг?... Я готов прибегнуть к самым суровым мерам, но я не позволю вам быть смешной, жалкой женщиной. Повторяю, еще одна выходка... и я накажу вас...

– Простите меня... простите...

– Сегодня я прощаю... последний раз...

И он торопливо удалился, не желая ослабить впечатление этой сцены.

Алина еле дотащилась до дивана. Она бросилась ничком и спрятала лицо в шелковой подушке, оборки которой кололи ей щеки. Стыд сжигал ее. Он сказал ей ясно: «Иначе я накажу вас». Он сказал как человек, который знает, что говорит и делает:

– Иначе я накажу вас.

Крошечный эпизод из ее детства всплыл перед нею. Однажды по случаю дурной погоды ее не пустили гулять, а оставили играть в зале. Он был огромный, прохладный и торжественный, с круглой эстрадой из светлого дерева, с высокими зеркалами и столиками из драгоценной мозаики. Здесь же на большой картине императрица Мария-Луиза обнимала маленького римского короля. Оставшись одна, Алина стремительно закружилась по паркету, на который лег тончайший слой пыли, посмотрелась в каждое зеркало по очереди и удивилась тоненькой девочке с синими глазами и поясом под грудью. Потом она бросилась ничком на медвежью шкуру, декламируя стихи и посылая воздушные поцелуи в пространство. Но сейчас же она вскочила как ужаленная, с бьющимся сердцем. Она вспомнила, что в такой же позе она лежит на кушетке мисс Уиттон. Она закричала, она заплакала, она согнулась от щекотания в своем теле.

Теперь взрослая Алина, думая о наказании Шемиота, также согнулась и также вся затрепетала от нервного щекотания, стыда, страха и ожидания. Она спрятала лицо в шелковую диванную подушку, сборки которой кололи ее щеки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.